

вистических фактов. Ряд выводов автора перекликается с результатами последних исследований по другим самодийским

языкам. Результаты работы будут несомненно интересны не только этнографам, но также историкам и лингвистам.

И. П. СОРОКИНА (Ленинград)

<https://doi.org/10.3176/lu.1990.3.13>

О. А. Казакевич, Машинный фонд селькупского языка: создание и использование в конкретных лингвистических исследованиях. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1989.

22 декабря 1989 г. в Московском государственном университете им. Ломоносова на заседании Специализированного совета Д 054.05.16 по присуждению ученой степени кандидата наук состоялась защита кандидатской диссертации О. А. Казакевич «Машинный фонд селькупского языка: создание и использование в конкретных лингвистических исследованиях». Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук С. В. Воронин (Ленинград) и кандидат филологических наук И. П. Сорокина (Ленинград).

Лингвистический материал по самодийским языкам исследователи обычно собирают в местах расселения информантов. В результате кропотливого труда создаются индивидуальные картотеки, содержащие ценнейший лингвистический материал. Обработка полевых данных обычно направляется темой, интересующей исследователя в данный момент. При изменении тематики трудно под новым углом зрения рассмотреть уже имеющиеся материалы и исследователь снова отправляется в экспедицию.

Вместе с тем развитие компьютерной техники позволяет в принципе значительно повысить эффективность труда исследователя. Становится возможным создавать обширные базы данных и обрабатывать их при помощи ЭВМ, которая существенно облегчает и поиск конкретных лингвистических примеров, уже введенных ранее в ее память, и ускоряет обмен информацией, полученной разными исследователями. Память ЭВМ может хранить информацию, которая при публикации потребовала бы тысячи страниц текста.

В этой связи несомненно актуальна

тема работы О. А. Казакевич, в которой обобщен опыт по созданию машинного фонда одного из самодийских языков, а именно — селькупского. Материалом для создания машинного фонда послужили полевые записи, собранные автором и ее коллегами во время экспедиций к тазовским селькупам. Как известно, информантов, знающих самодийские языки, с каждым годом становится все меньше. Уже само по себе введение в научный обиход нового лингвистического материала по малонисследованному селькупскому языку представляет определенную ценность, введение же его впервые в ЭВМ, несомненно, поможет многим исследователям самодийских языков в их дальнейшей работе.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, 15 таблиц, списков литературы и сокращений, а также восьми приложений. Общий объем исследования — 195 страниц машинописного текста.

В первой главе автор подробно анализирует зарубежный и отечественный опыт использования ЭВМ в лингвистических исследованиях. Совершенно справедливо подчеркивается, что ЭВМ постепенно становится все более необходимым и привычным инструментом лингвиста. Здесь следует все же отметить, что упоминание автора о том, что на машинных носителях в Ленинградском отделении Института языкознания имеются текстовые и словарные материалы по нганасанскому и ненецкому языкам, не совсем точны. К сожалению, по нганасанскому языку на машинных носителях материала нет вообще, а по ненецкому языку это не тексты, а лишь отдельные выборки словоформ в очень ограниченном количестве.

Вторая глава посвящена машинному фонду селькупского языка, который состоит из текстовой и словарной баз данных. Отрадно, что в текстовую базу данных вошли многочисленные тексты разной тематики: это и сказки, и мифы, и различные бытовые рассказы. Тем самым лексика селькупского языка представлена разнообразными жанрами, что позволяет рассмотреть все нюансы живой разговорной речи. Текстовая база данных будет расширяться за счет дальнейшего введения фольклорных текстов баишенского говора тазовского диалекта селькупского языка; в будущем на их основе возможно проведение сопоставительных исследований.

Третья и четвертая главы демонстрируют возможности использования машинного фонда селькупского языка. Языковыми аспектами выбраны «Исследование изобразительной лексики» и «Выражение причинных и целевых отношений». Такие работы на материале самодийских языков до настоящего времени не проводились.

Впервые описываются изобразительные слова селькупского языка и их функционирование в тексте. Выделяются неформленные изобразительные корни, которых в языке меньшинство, и оформленные. Среди последних отмечаются изобразительные глаголы, существительные, которые автор подразделяет на пять групп, прилагательные и наречия. Устанавливается связь между звуком и значением в селькупских изобразительных корнях, а также проводится разделение этих корней на звукоподражательные и эвкосимволические. Глава очень удачно снабжена таблицами, подтверждающими и суммирующими изложенное в теоретической части.

В разделе об изобразительных существительных не совсем понятен термин «имена действия» (с. 116). В традиции исследований по самодийским языкам именами действия называют глагольные формы, которые наряду с причастиями и деепричастиями выступают в особых синтаксических полипредикативных конструкциях в роли зависимых предикатов и являются ядром зависимой части предложения. В связи с этим употребление данного термина для изобразительных существительных не совсем уместно и

вносит определенную путаницу. Отметим, что тот же термин при дальнейшем изложении используется в традиционном понимании.

Далее автор рассматривает совокупность средств выражения причинных и целевых отношений и выявляет функционально-семантические поля причины и цели. Специальных исследований по этой теме, как уже говорилось, до сих пор не было. Однако в некоторых работах по самодийским языкам рассматривались морфологические средства передачи данных отношений. Так, в энецком и нгансанском языках причинные и целевые отношения также могут выражаться падежными формантами существительных, деепричастными оборотами, конструкциями с послелогоми и т. д. Сравнение материала этих языков с селькупским, несомненно, обогатило бы данную работу и позволило бы сделать ряд ценных выводов сопоставительного характера.

По работе можно сделать одно общее замечание. При компьютерной обработке текстов одной из основных проблем является разработка методики получения лингвистической информации. Нетрудно создать программы, по которым будет выдаваться обширная статистическая информация по различным конкретным аспектам языка. Пользуясь жаргонным выражением, можно сказать, машина легко заваливает числами. Значительно труднее разработать такую методику работы с машиной, которая включала бы не только первичную обработку языкового материала, но позволяла бы и устанавливать нетривиальные лингвистические явления — морфологические, синтаксические, фонологические. К нетривиальным можно отнести задачи типа сочетаемости разного класса аффиксов (например, вида и времени), восстановление элементов праязыка. Но видимо, это задачи, которые автор поставит перед собой в будущем.

При выполнении настоящей работы основные трудности состояли в сборе первичных полевых данных, разработке схем документирования языка, в вводе с терминала большого объема информации, с чем О. А. Казакевич прекрасно справилась. Ею убедительно показано, что на базе машинного фонда селькупского языка могут быть получены ценные резуль-

таты по отдельным аспектам исследования языка. Опыт работы автора над машинным фондом селькупского языка со-

служит пользу при создании машинного фонда бесписьменных и младописьменных языков.

И. П. СОРОКИНА (Ленинград)

ТРЕТИЙ ЗОНАЛЬНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПЕРМСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

15—16 марта 1990 г. в Сыктывкаре проходил III зональный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками». Первый аналогичный симпозиум состоялся в 1986 году (материалы опубликованы в сборнике «Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков», Ижевск 1987) в Ижевске, второй — в 1988 г. там же. И на этот раз среди участников, естественно, преобладали исследователи пермских языков, несколько расширили границы региона специалисты по марийскому языку. К сожалению, не приехал никто из Коми-Пермяцкого национального округа, хотя и там (в Кудымкаре) создан небольшой центр исследования родного языка и молодые ученые могли бы на таком форуме специалистов почерпнуть вдохновение для своей деятельности.

Поскольку нынешний симпозиум был посвящен 100-летию Д. В. Бубриха, на первом пленарном заседании речь шла о Д. В. Бубрихе и его трудах. Деятельность Д. В. Бубриха на благо пермских народов была многосторонней: он организовывал научную работу, помогал формированию местных научных кадров и создавал свои исследования по этим языкам, оригинальные положения и глубина анализа которых сохраняют свое значение и в наше время. Пример этого — хотя бы трактовка им темы глагола в грамматике коми языка, которой посвятил свой доклад Е. А. Цыпанов (Сыктывкар). Докладчик подчеркнул, что до сих пор работа Бубриха «Грамматика литературного коми языка» остается одним из наиболее полных описаний морфологии глагола в коми языке. Придерживаясь принципа «от формы — к содержанию», Д. В. Бубрих достаточно последовательно выделил группы возвратных и причинительных (каузативных) глаголов, видовые их классы. Богато представлены ин-

финитные формы глагола: так, Д. В. Бубрих установил шесть формативов причастий и 34 форматива деепричастий (отглагольных наречий). В учебнике же «Современный коми язык» (1955) выделены четыре форматива причастий и пять видов деепричастий.

Других аспектов в исследованиях Д. В. Бубриха по коми языку коснулся Г. Г. Бараксанов (Сыктывкар). Многогранность ученого характеризуют и его работы в области удмуртского языка. И. В. Тараканов (Ижевск) проанализировал взгляды Бубриха, изложенные в «Исторической фонетике удмуртского языка», и познакомил с его рукописями, которые до сих пор остаются не опубликованными. В. И. Каракулов (Глазов) напомнил об экспедициях Д. В. Бубриха к удмуртам и о его роли в создании удмуртского литературного языка. В. А. Ляшев (Сыктывкар) изложил некоторые точки зрения Д. В. Бубриха, связанные с историей финно-угорских языков.

Второй круг тем пленарных заседаний касался истории и контактов пермских языков.

Наибольшую полемику вызвал доклад Р. Ш. Насибуллина (Ижевск) «К вопросу о времени распада общепермской языковой общности». Автор подверг сомнению традиционную хронологию распада общности пермских племен (конец I тыс. н. э.), которая основана на распространении булгаризмов в пермских языках. По мнению докладчика, ареал пермских племен, т. е. предшественников коми, доходил далеко на север уже в I тыс. до н. э., а контакт между коми и удмуртскими племенами был продолжительным. Прервать его могла лишь распыленность русской колонизации в XVI—XVII вв. Подтверждение языковым данным докладчик искал в археологии, климатических изменениях в прошлом и в письменной истории. Хотя изложенное содержа-